

МЕДИАЦИЯ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ СРЕДИ ОСУЖДЕННЫХ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПНОСТИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В.Г. Громов¹, Н.И. Минкина²

¹ Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

² Алтайская академия экономики и права, г. Барнаул, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

18 октября 2015 г.

Дата принятия в печать

22 июня 2016 г.

Дата онлайн-размещения

30 сентября 2016 г.

Ключевые слова

Исправительные учреждения;
конфликты среди осужденных;
медиация; медиатор;
предупреждение преступности;
уголовно-исполнительное
законодательство

Аннотация. Статья посвящена обоснованию внедрения медиации в деятельность исправительных учреждений России в качестве одного из направлений предупреждения пенитенциарной преступности. Такая необходимость вызвана высоким на сегодняшний день уровнем криминогенной напряженности в местах лишения свободы, где сосредоточено немалое количество специфических латентных конфликтов между осужденными, нередко агрессивно и враждебно настроенными друг к другу. Существующие императивные методы погашения таких конфликтов с использованием административного ресурса не всегда эффективны. Предлагаемая модель урегулирования конфликтов между осужденными с помощью независимого и не заинтересованного в конфликте профессионального медиатора потенциально способна снизить конфликтность и эмоциональное напряжение в среде осужденных, зачастую приводящие к совершению ими правонарушений. При этом деятельность медиатора в исправительном учреждении не подменяет собой работу психолога, а, скорее, дополняет ее в решении задачи исправления осужденных. Предлагаемое новшество полностью соответствует провозглашенной государством политике, направленной на развитие внесудебных форм разрешения конфликтов, уголовно-исполнительному законодательству РФ и Европейским пенитенциарным правилам. Применение медиации в местах лишения свободы рассматривается как цивилизованный процесс гуманизации и усиления гарантий прав человека. Учитывая изначальную чужеродность медиации субкультуре осужденных, можно ожидать на первых этапах ее внедрения определенные издержки и не мгновенный результат. Очевидна необходимость специальной подготовки медиаторов по данному направлению работы с целью приобретения ими навыков по погашению групповых, сверхнакаленных и иных сложных конфликтов. Также потребуются определенная организационная и ресурсная подготовка в местах лишения свободы. Авторами предлагается на базе одного или нескольких исправительных учреждений создать исследовательскую экспериментальную площадку с целью практического внедрения медиации для урегулирования конфликтов между осужденными с последующим мониторингом результатов. Высказывается мнение о том, что в новой сфере применения медиация постепенно продемонстрирует себя как мощное позитивное средство воздействия на межличностные отношения в среде осужденных, вместе с тем выступая механизмом противодействия преступности.

MEDIATION IN THE RESOLUTION OF CONFLICTS BETWEEN CONVICTS AND CRIME PREVENTION IN CORRECTIONAL FACILITIES

Vladimir G. Gromov¹, Natalya I. Minkina²

¹ N.G. Chernishevsky Saratov State University, Saratov, the Russian Federation

² Altai Academy of Economics and Law, Barnaul, the Russian Federation

Article info

Received

2015 October 18

Accepted

2016 June 22

Available online

2016 September 30

Abstract. The authors support the introduction of mediation in Russian penitentiary institutions as one of the methods of penitentiary crimes' prevention. This is necessary because the level of criminogenic tension in the places of confinement is high and there is a considerable number of specific latent conflicts between convicts who are often aggressive and hostile to each other. The existing imperative methods of conflict resolution, which rely on the administrative resources, are not always effective. The presented model of resolving conflicts between convicts with the help of an independent professional mediator, who is not affected by the conflict, could potentially defuse the conflict atmosphere and emotional tension between convicts which often act as causes of offenses. The work of a mediator in a penitentiary institution does not substitute the work of a psychologist, but rather supplements it with the goal of cor-

Keywords

Correctional facilities; conflicts between convicts; mediation; mediator; crime prevention; penal enforcement legislation

recting the convicts. The suggested innovation fully complies with the state-declared policy aimed at the development of out-of-court types of conflict resolution, with the penal enforcement legislation and the European penitentiary rules. The use of mediation in institutions of confinement is viewed as a civilized process of humanization and strengthening the guarantees of human rights. Taking into account that mediation is basically alien to the convicts' subculture, it should be expected that there will be some hurdles at the initial stages of its introduction and that it is not going to be an immediate success. It is obvious that mediators working in this field will need special training to acquire skills to resolve group conflicts, overheated and other complex conflicts. Besides, correctional institutions should do certain organizational work and prepare resources. The authors suggest organizing an experimental testing ground in one or several correctional institutions to research the introduction of mediation for resolving conflicts between convicts and monitoring the results. They argue that mediation will eventually prove to be a powerful positive instrument of influencing interpersonal relations of convicts and will also act as a crime-prevention mechanism.

Человечество на протяжении всей истории своего существования подвержено конфликтам. Конфликты могут быть кратковременными и длительными, мелкими и масштабными, представлять собой незначительные ссоры или проявляться как мировые войны. Конфликты возникают в любом социуме, если среди его членов существуют противоречия.

Конфликт в психологии — это столкновение двух или более сильных мотивов, которые не могут быть удовлетворены одновременно [1, с. 221].

Можно говорить о том, что в основе конфликтных ситуаций между отдельными людьми находится столкновение мнений, интересов, целей и представлений о способе их достижения.

Социальный конфликт — один из видов социальных отношений, состояние противостояния, борьбы между отдельными индивидами или группами людей, пронизывающее все области общественных отношений и сферы человеческой деятельности [2, с. 301].

Слово «конфликт» происходит от латинского *conflictus*, что означает «столкновение» [3, с. 9–10]. Понятие конфликта разъяснял еще в 1776 г. шотландский экономист А. Смит в своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов». Он считал, что в основе конфликта лежит в первую очередь деление общества на классы и вытекающее отсюда соперничество между ними [4].

Конфликт выполняет две функции — разрушающую и созидующую. С одной стороны, столкновение в ситуации конфликта противоположных интересов приводит к ломке существующих в обществе отношений. При этом нередко государству, обществу и личности может быть причинен моральный, материальный и физический вред.

С другой стороны, разрушая старые отношения, конфликт приводит либо к обновлению от-

ношений, переходу их на новый уровень, либо к возникновению качественно новых отношений, которые дают социуму возможность развиваться и совершенствоваться.

На наш взгляд, последствия конфликтов могут быть квалифицированы в зависимости от временной отдаленности момента их разрешения: наступающие непосредственно после конфликта (до десяти дней); наступающие в краткосрочном будущем (от десяти дней до полугода); наступающие в перспективном будущем (более полугода).

Непосредственные последствия конфликтов в подавляющем большинстве носят негативный и разрушительный характер.

Если социология конфликта ориентирована на рассмотрение социальных конфликтов в контексте теоретического анализа общественных отношений, то психология конфликта концентрируется на анализе межличностных и внутриличностных противоречий и на вопросах прикладного характера, связанных с нахождением психологических средств, способствующих разрешению конфликтов.

Психология конфликта развивается на базе психологии личности, социальной психологии и психологии общения.

А.П. Слепов отмечает, что по своей психологической сущности конфликт — это эмоционально окрашенное столкновение противоречивых взглядов, мнений, интересов, стремлений людей и их общностей, носящее характер противоборства [5, с. 79].

Исполнению уголовного наказания в виде лишения свободы сопутствует большое количество выявленных и латентных конфликтов между осужденными. Как правило, такие конфликты представляют особую важность для их участников и в то же время — значительную

опасность для общества, выполняя роль детонатора массовых эксцессов в среде осужденных, и нередко могут повлечь за собой совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

Так, ночью 18 сентября 2013 г. в исправительной колонии № 9 в поселке Парфино Новгородской области произошла массовая драка, в которой участвовало 80 осужденных. В результате драки пострадали и были госпитализированы 11 осужденных¹.

И это далеко не единственный случай беспорядков и протестов в российских тюрьмах за последнее время. Ранее, в марте 2013 г., массовая драка осужденных произошла в одной из колоний на Камчатке, когда осужденные из 4-го и 6-го отрядов колонии подрались с осужденными из 1-го отряда. В результате пострадали шесть человек².

Нам представляется, что из всей массы конфликтов следует выделить их специфическую группу — пенитенциарные конфликты. Очевидно, что такие конфликты могут возникать только в местах изоляции — в исправительных учреждениях. Можно говорить, что пенитенциарный конфликт — это определенное эмоциональное напряжение, возникающее в силу столкновения противоположных импульсов или интересов между субъектами по поводу и в процессе исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы [6, с. 67].

Такие конфликты могут зарождаться на любой почве и из личностного, психологического, нравственного перерасти в пенитенциарный. Причем в ситуации конфликта не всегда можно однозначно определить, насколько деяния субъектов правомерны или неправомерны.

6 мая 2015 г. в лечебно-исправительном учреждении № 3 ГУФСИН РФ по Нижегородской области, находящемся в поселке Пруды Краснобаковского района, подрались две группы осужденных. Кроме того, недавно прибывшие из другого исправительного учреждения осужденные подожгли хозяйственную постройку, которая вскоре была потушена. В результате драки повреждения различной степени тяжести получили 70 чел.³

¹ В новгородской колонии 80 заключенных устроили драку [Электронный ресурс]. URL : <http://rbcdaily.ru>.

² В Камчатской колонии произошла массовая драка заключенных [Электронный ресурс]. URL : <http://newsru.com/russia/24mar2013/elizovo.html>.

³ Во время массовой драки в нижегородской колонии пострадали более 70 человек [Электронный ресурс]. URL : <http://nvdaily.ru/info/47340.html>.

Пенитенциарный конфликт не всегда может быть публичным и открытым, нередко он принимает латентную форму, а потом перерастает в открытое столкновение. При этом сводить пенитенциарный конфликт только к юридическому столкновению типа «правомерные действия — неправомерные действия» — значит бесосновательно сужать его значение. Дисциплинарные проступки, административные правонарушения или преступления часто являются результатом взрыва эмоций, закономерным последствием перехода латентного конфликта в открытую, видимую его форму.

Особенность пенитенциарного конфликта заключается в том, что он возникает в закрытом социуме, и стороны конфликта не могут разойтись, разъехаться. Они вынуждены, находясь в одном учреждении, все время сталкиваться друг с другом. Постоянные столкновения конфликтующих между собой осужденных, сопровождающиеся высоким эмоциональным напряжением, нередко приводят к совершению ими правонарушений, и в том числе преступлений, дестабилизируют оперативную обстановку в исправительных учреждениях и в целом нарушают процесс исправления осужденных.

Для разрешения конфликтов между осужденными в исправительных учреждениях их персонал применяет две основные формы воздействия — профилактику (на ранней стадии развития конфликта) и пресечение (на стадии его активного развития). На наш взгляд, перспективным направлением в разрешении конфликтов среди осужденных в исправительных учреждениях в рамках профилактики могло бы стать использование такого инструмента, как медиация.

Как известно, уже шесть лет в России действует Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ⁴ (далее — Закон о медиации). Изначально медиация была представлена нашему обществу как институт, основная цель которого — разгрузка судов. Сегодня же она начинает активно использоваться в повседневной жизни без обращения в суд, закономерно расширяется сфера и задачи ее практического применения, тем самым вызывая необходимость

⁴ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.

постоянного совершенствования законодательства РФ. Это свидетельствует о динамичном развитии института медиации и «относительной незрелости медиации как профессии» [7].

В настоящее время особую популярность приобретает создание служб примирения в образовательных учреждениях (школах), и это не случайно, поскольку навыку мирно разрешать и предотвращать конфликтные ситуации можно и нужно обучать детей школьного возраста.

Однако из этого поля деятельности не должны исключаться и несовершеннолетние, находящиеся в воспитательных колониях. Такая идея использования медиации уже высказывалась в единичных случаях в юридической литературе: с целью профилактики преступлений предлагалось проработать вопрос об участии профессионального медиатора в конфликтных ситуациях в воспитательных колониях [8, с. 131–132, 145; 9, с. 10; 10, с. 39].

В рамках реализации Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в РФ, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р⁵, Федеральная служба исполнения наказаний в РФ во втором полугодии 2015 г. начала приобретать первый опыт в проведении семинаров и организации служб медиации в воспитательных колониях⁶.

На практике же профессиональная медиация в порядке, установленном Законом о медиации, пока не применяется, но встречаются случаи использования медиативных подходов и технологий в работе с несовершеннолетними и их семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении, а также несовершеннолетними правонарушителями [11].

Авторами настоящей работы предлагается дальнейший этап в развитии легальной медиации — ее внедрение в деятельность исправи-

тельных учреждений с целью урегулирования конфликтов среди разных групп осужденных, а не только несовершеннолетних. На первый взгляд идея реализации медиации в местах лишения свободы выглядит достаточно необычно, пожалуй, так же, как первый год действия Закона о медиации, когда она воспринималась многими юристами с нескрываемым скепсисом и серьезно критиковалась [12, с. 101–102]. На самом же деле потенциал медиации с учетом ее широкого общественного распространения и социальной значимости трудно переоценить. А если принять во внимание повышенную конфликтность в исправительных учреждениях, практическое внедрение медиации для погашения эмоциональных и порой агрессивных разногласий среди осужденных окажется весьма уместным. Прямо скажем, исправительные учреждения — это места повышенной общественной опасности, имеющие высокую степень концентрации конфликтности и враждебности между людьми, каждый из которых имеет свои, негативным образом характеризующие его особенности. При этом деятельность современного психолога в исправительном учреждении направлена преимущественно на работу с каждой конкретной личностью, в том числе с целью ее адаптации после освобождения. А межличностными контактами и общением занимается иной персонал учреждения, осуществляющий соответствующий контроль и надзор. Однако в арсенале последнего имеются в основном императивные методы воздействия, которые фактически не гасят и никак не снимают возникающие между осужденными конфликты, а, скорее, способствуют их латентному усилению, порождая «конфликтomanию» и вместе с ней массу других споров между этими же субъектами и другими. Вместе с тем в дальнейшем межличностные конфликты могут перерасти уже в межгрупповые, межэтнические, доходя до крайней формы их разрешения — совершение осужденным преступления [13, с. 152]. Это создает реальную угрозу общественному порядку и стабильности в исправительных учреждениях.

Современное состояние и особенности пенитенциарной преступности [14, с. 152–153] свидетельствуют о высоком уровне криминальной напряженности в местах лишения свободы и о наличии большого числа латентных конфликтов в исправительных учреждениях. Таким образом, императивный метод погашения конфликтов с использованием существующего ад-

⁵ Концепция развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в РФ : утв. распоряжением Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 32. Ст. 4557.

⁶ Медиация и восстановительное правосудие [Электронный ресурс]. URL : <http://www.fsin.su/structure/social/mediatsiya-i-vosstanovitelnoe-pravosudie>.

министративного ресурса не всегда эффективен. Механизма действующих норм и санкций «в неформальном социальном контроле» за поведением осужденных «для обеспечения стабильности социокультурной среды исправительных учреждений» [15], как оказалось, недостаточно. А ранее предлагавшийся комплекс мер по совершенствованию организационной системы по предупреждению межличностных конфликтов и преступлений в среде осужденных [16], отчасти внедренный в практику посредством работы психолога, уже недейственен.

Подвергая адекватной оценке перечисленные обстоятельства и исследуя конфликты с участием осужденных, Н.С. Емельянов недавно предложил в число задач ФСИН России включить «организацию деятельности по оказанию осужденным помощи в урегулировании конфликтов» [17], но, к сожалению, не конкретизировал формы и способы их разрешения.

Медиация направлена на создание здоровой, благоприятной среды. Конечно, учитывая известные особенности нахождения людей в исправительных учреждениях, навряд ли можно говорить об установлении партнерских и гармоничных отношений между осужденными как о результате внедрения медиации, но, по крайней мере, думается, можно рассчитывать на минимизацию количества конфликтов и их безболезненное урегулирование, а также на снижение агрессии. Поэтому для преодоления ряда негативных проявлений конфликтов, на наш взгляд, нужна действенная помощь нейтрального, независимого и не заинтересованного в конфликте лица — медиатора.

Основная ценность медиации при ее внедрении в деятельность исправительных учреждений может быть сведена к сохранению относительно устойчивых, нормальных отношений между спорящими субъектами, а может быть, и к установлению дружественных отношений между ними. Важно, что в ходе процедуры медиации прорабатывается по существу не только причина конфликта, но и его эмоциональная составляющая. Снижается эмоциональное и когнитивное напряжение конфликтантов. Кроме того, при заключении медиативного соглашения конфликтующие стороны не только устраняют причину разногласий, но и получают своего рода психологическое удовлетворение от их взаимовыгодного разрешения.

В этой связи оправданно отмечается положительное влияние присутствия третьей сто-

роны в конфликте — этот фактор как минимум способствует снижению деструктивной направленности поведения конфликтующих сторон. Причем процедура медиации ориентирована не столько на разрешение психологических проблем ее участников, сколько на урегулирование проблем взаимодействия, в котором реально (или по мнению конфликтующих сторон) ущемлены интересы его участников. Таким образом, деятельность медиатора не будет подменять собой работу психолога, скорее, наоборот, существенным образом ее дополнит, и разграничение их компетенции имеет значение еще на стадии подготовки и тех и других специалистов [18, с. 13, 15].

Предлагаемое новшество в виде внедрения медиации в систему исправительных учреждений полностью соответствует целям, задачам [19, с. 2197–2198] и принципам уголовно-исполнительного законодательства РФ (ст. 1 и 8 УИК РФ⁷), а также предлагаемой новой концепции совершенствования последних [20]. Вместе с тем такая деятельность потребует соблюдения специальных принципов, которыми необходимо будет руководствоваться при осуществлении медиации в местах лишения свободы [21].

В рамках продолжения процесса гуманизации и усиления гарантий прав человека как ключевых направлений в развитии современной уголовно-исполнительной политики, а также для профилактики преступности в исправительных учреждениях сегодня мы теоретически можем прибегнуть к возможностям медиации для урегулирования конфликтов среди осужденных. Так, в положениях ч. 2 ст. 1 Закона о медиации предлагаемая сфера буквально не отнесена к области действия данного нормативного правового акта, но и прямо не исключена (ч. 5 и 6), что позволяет на уровне федерального закона (ч. 3 этой же статьи) отдельно регламентировать этот вопрос.

Одновременно с указанным динамика развития пенитенциарной науки приводит к тому, что уголовно-исполнительная система нуждается в цивилизованных подходах к ее модернизации. Люди, признанные в судебном порядке виновными в совершении преступлений и отбывающие наказание в исправительных учреждениях, — это часть нашего общества. Органи-

⁷ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

зация их жизни в изоляции от него во многом зависит от тех возможностей и условий, которые предусмотрены в действующем УИК РФ и иных нормативных правовых актах. Бесспорно, что за совершенное противоправное деяние человек должен понести наказание, претерпевая определенные ограничения в своих правах. Между тем, не посягая на привычный обществу постулат, в целом воспитательный процесс применительно к осужденным можно осуществлять, дополнительно сопровождая его современными цивилизованными и достаточно гибкими способами, такими, например, как медиация, уже используемая в обществе среди законопослушных граждан. Благодаря этому из мест лишения свободы будут выходить люди, имеющие некоторый опыт применения современных общественных институтов.

Кроме того, ориентация на применение процедуры медиации в уголовно-исполнительной системе как элемента социальной реабилитации осужденных несет в себе определенное преобразующее начало. Ценным компонентом при реализации данного института будет ненавязчивое «научение» осужденных максимально бесконфликтной жизни, что важно как для замкнутого пространства, в котором они пребывают, так и для будущей свободной жизни. Там, где имеются возможности урегулирования спора с помощью независимого медиатора, вырабатывается определенный жизненный уклад, основным принципом которого является приоритет «хорошего мира», а не «войны», что сказывается на настроении человека, может скорректировать соответствующим образом его жизненные ценности и даже характер.

Интересно заметить, что такая идея примирения берет свое начало еще с теории восстановительного правосудия «через посредничество» для целей «укрепления правосудия» [22], в соответствии с которой в отечественной науке (по аналогии с зарубежными взглядами [23; 24]) впервые стали говорить о том, что и преступник нуждается в поддержке и чувстве безопасности, а не только о нуждах пострадавшей стороны. Поэтому «задачей правосудия должно быть прежде всего продвижение отношений в сторону примирения». Именно «оздоровление отношений является важным шагом на пути к исцелению личности» [25, с. 218–223] и общества. Однако такой новый гуманный подход не сразу получил распространение как в развитии отечественной научной мысли [26, с. 168–169], так и

в модернизации российского законодательства посредством использования возможностей медиации в уголовном процессе. Привычнее было рассматривать в рамках уголовно-правовых отношений «преступное деяние и наказание как конфликт», который в последующем приобретал «форму уголовно-исполнительных отношений, одним из субъектов которого выступает государство» [27, с. 37].

За рубежом медиация уже давно зарекомендовала себя как эффективный и плодотворный способ восстановления мира и как универсальная технология урегулирования конфликтов в обществе [28, S. 77–79], а в отдельных странах даже как органичная норма жизни общества и государства. Современное развитие медиации в стране свидетельствует об определенном уровне терпимости и цивилизованности ее населения. Представляется, что это должно касаться не только законопослушных граждан.

Отдельно хотелось бы отметить, что отечественное государство возлагает большие надежды на альтернативное разрешение споров, в частности на новую примирительную процедуру медиации как перспективный институт. Так, в распоряжении Правительства РФ «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ на период до 2020 года» от 29 декабря 2008 г. № 2043-р⁸ отмечена необходимость оказывать соответствующую поддержку внесудебным формам разрешения конфликтов, к каковым относится прежде всего медиация. Также и Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 28 декабря 2011 г.⁹ среди прочего содержит в себе установку на продолжение расширенного применения медиации в нашем обществе. Более того, в Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года (в ред. от 23 сентября 2015 г.)¹⁰ указывается на применение методов медиации в отношении осужденных. На этом основании, к

⁸ Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 29 дек. 2008 г. № 2043-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 3. Ст. 423.

⁹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 28 декабря 2011 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.rg.ru/2011/12/22/stenogramma.html>.

¹⁰ Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 14 окт. 2010 г. № 1772-р (ред. от 23 сент. 2015 г. № 1877-р) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.

сожалению, лишь в единичных случаях реализуются пилотные проекты по внедрению методов медиации в практику работы пенитенциарных психологов, к примеру в УФСИН России по Республике Адыгея [29, с. 61].

Таким образом, авторское предложение не только не противоречит стратегическому плану развития отечественного государства, но и органично дополняет и конкретизирует его.

Немаловажно установление в исправительных учреждениях определенного мира, пригодного для жизни в данном месте пребывания людей, так же как и постепенное бессознательное приобретение осужденными навыков мирного и бесконфликтного общения. После освобождения это окажется ценным опытом для их последующей жизни, что значимо и для самого общества, в которое может вернуться полноценная личность.

Итак, суть предлагаемой мировоззренческой и законодательной новации состоит в том, чтобы распространить действие Закона о медиации на конфликты, возникающие в системе исправительных учреждений, не посягая при этом на существующую роль, функции и пределы использования государственного механизма в регулировании исправления осужденных.

Остановливаясь подробно на пенитенциарных конфликтах, следует исходя из норм действующего законодательства РФ подчеркнуть, что не все из них сегодня концептуально могут быть урегулированы медиатором. Выше в работе упоминались горизонтальные типы конфликтов, возникающие по разным причинам среди осужденных, что, по мнению авторов, гипотетически можно и нужно регулировать, прибегая к помощи медиатора. Однако процедура медиации не может быть применена к конфликтным ситуациям вертикального типа — между сотрудником исправительного учреждения (как представителем государства, носителем публичной власти) и осужденным — на основании ч. 5 ст. 1 Закона о медиации, поскольку в этом случае могут быть затронуты публичные интересы.

Но в то же время нельзя не заметить, что данная национальная норма права не соответствует п. 56.2 Европейских пенитенциарных правил, рекомендованных государствам — членам Совета Европы, в котором предусматривается, что «там, где это возможно, администрация пенитенциарного учреждения должна использовать механизмы восстановительного право-

судия и медиации для урегулирования споров с заключенными и между ними»¹¹.

Итак, отмеченные обстоятельства позволяют сделать несколько важных выводов. Во-первых, медиация для урегулирования конфликтов с осужденными не нова для стран, входящих в Совет Европы, поэтому рано или поздно предлагаемая в настоящей работе сфера реализации медиации найдет свое воплощение в реальной жизни.

Во-вторых, в настоящее время осужденные сами либо через своих представителей в заявлениях и кассационных жалобах начинают приводить доводы, например, о том, что меры взыскания были применены к ним без учета обозначенных положений Европейских пенитенциарных правил¹². Любопытно, что в указанном примере суд, ссылаясь на ч. 3 ст. 4 УИК РФ, не отнес реализацию процедуры медиации к числу обязанностей администрации исправительного учреждения.

В-третьих, на основании совокупности изложенного российскому законодателю все же предстоит урегулировать возникшее разночтение и, следовательно, решить вопрос о применении медиации в исправительных учреждениях непосредственно в УИК РФ и иных подзаконных актах, нормы которых касаются института медиации, медиатора и его подготовки.

В порядке размышления представляется, что при реальном применении процедуры медиации для урегулирования конфликтов среди осужденных медиатор будет иметь у них определенный авторитет как человек не просто нейтральный к возникшему конфликту, но и не являющийся сотрудником исправительного учреждения, что должно вызвать доверие и расположение осужденных. В то же время с учетом особенностей контингента не исключается вариант проявления интереса к новому институту со стороны осужденных с целью не урегулирования конфликта, а своего рода отвлечения от привычного замкнутого и монотонного образа жизни в учреждении, возможно, даже развлечения, заключенные могут отнести к своему

¹¹ Рекомендация № Rec (2006) 2 Комитета министров государствам-членам Совета Европы о Европейских пенитенциарных правилах [Электронный ресурс]: принята 11 янв. 2006 г. на 952-м заседании представителей министров // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Определение Свердловского областного суда от 29 ноября 2011 г. № 33-16718/2011 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

участию в данной процедуре как к жизненному эксперименту или иметь какие-либо иные намерения. Такие издержки внедрения медиации в особой среде следует оценивать как естественные и ожидаемые.

Также очевидной на первоначальном этапе представляется некая чужеродность медиации субкультуре, существующей в местах лишения свободы. Однако нужно учитывать, что и в пространстве законопослушных граждан становление социального и правового института медиации проходит длительно и весьма затруднительно [30]. Но вместе с тем отношения между людьми постепенно начинают приобретать все более гуманный характер.

Для медиатора проведение информационных бесед, примирительных встреч и медиационных сессий между осужденными — очень трудоемкий и эмоциональный процесс, поскольку речь идет как минимум о двух конфликтующих субъектах, которые имеют множественные дефекты сознания преступника и которым свойственны различные виды «деформации общения в условиях социальной изоляции» [31, с. 121–122]. Ситуация усложняется также тем, что осужденные ограничены в территориальном пространстве и одновременно в правах и свободах согласно законодательным предписаниям и обладают строго определенным законом правовым статусом. Поэтому работа медиатора — это работа в зоне особого конфликтного общения, «осложненного стремлением отдельных осужденных к лидерству», проявлением их «эгоизма и беспринципности» [32, с. 98–99] и т.п. В этой связи медиатору понадобится не только знание Закона о медиации, но и общеправовые познания, знания в области криминологии, уголовно-исполнительного законодательства; ему нужно будет иметь представления о жизни, быте осужденных и их субкультуре; он должен ориентироваться в нюансах норм, которыми регламентируется их дисциплина и правовые последствия в случае ее несоблюдения, и т.д. Кроме того, с учетом личностей конфликтующих, их различной типологии, возможно, медиатору в работе потребуются применять и соответствующие дифференцированные индивидуальные подходы, в том числе по управлению агрессией и работе с сопротивлением.

Сказанное приводит к однозначному умозаключению о том, что данное направление работы может осуществлять исключительно профессиональный медиатор (ст. 16 Закона о

медиации), обладающий сформированными навыками по ведению процедуры медиации в специализированной сфере и умеющий грамотно применить различные медиативные технологии к наиболее сложным типам конфликтов (сверхнакаленному, групповому и т.д.), одновременно имеющий наиболее высокий уровень квалификации в специализированной сфере согласно разд. 3.2 приказа Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиатор)» от 15 декабря 2014 г. № 1041н¹³.

Соответствующую исключительную компетенцию профессионального медиатора предлагается отразить в ч. 4 ст. 16 указанного федерального закона. Также важным для уголовно-исполнительной системы представляется закрепление приоритетного направления в работе медиатора в рассматриваемой сфере (наряду с непосредственным урегулированием конфликта) — профилактики повторных конфликтов в этом же составе участников.

Отмеченные обстоятельства приводят к необходимости обновления названия и содержания модуля 5.9 в программе подготовки медиаторов, утвержденной приказом Министерства образования и науки РФ от 14 февраля 2011 г. № 187¹⁴. Помимо медиации в восстановительном правосудии и ювенальной юстиции, на основании изложенного данный модуль предлагается дополнить междисциплинарной областью знаний о возможностях и особенностях применения медиации в уголовно-исполнительной сфере.

Вместе с тем на практике без учета перечисленных выше особенностей в отдельных регионах нашей страны уже ведется обучение сотрудников ГУФСИН медиации при работе с осужденными, отбывающими наказание в местах лишения свободы, на основе специально разработанных тренингов (например, в Новосибирской области¹⁵).

¹³ Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиатор)» [Электронный ресурс] : приказ М-ва труда и соц. защиты РФ от 15 дек. 2014 г. № 1041н // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Об утверждении программы подготовки медиаторов : приказ М-ва образования и науки РФ от 14 февр. 2011 г. № 187 // Российская газета. 2011. 23 марта.

¹⁵ Сотрудники ГУФСИН России по Новосибирской области стали специалистами в области медиации [Электронный ресурс]. URL : http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=235200.

Для внедрения же предлагаемой модели применения медиации, реализуемой профессиональными медиаторами, не являющимися сотрудниками уголовно-исполнительной системы, необходима иная комплексная подготовка, которую в основном можно свести к следующему:

– наличие соответствующей ресурсной и организационной базы в исправительных учреждениях (предоставление комнаты для примирения, определение правил организации встреч с медиатором, соответствующая разъяснительная работа с осужденными по реализации ими права на урегулирование конфликта с помощью третьего лица, не заинтересованного в исходе спора, и др.);

– с целью развития социально-психологической компетентности и правильного и адекватного восприятия новации соответствующее краткосрочное повышение квалификации отдельных сотрудников исправительных учреждений, но не для выполнения роли медиатора, а прежде всего для проведения разъяснительной работы с осужденными;

– подготовка профессиональных медиаторов, обладающих нужным уровнем знаний (а в последующем можно будет говорить об их специализации по урегулированию конфликтов среди осужденных с учетом особенностей той микросреды, в которой они пребывают в изоляции от общества).

В ходе подготовительной работы предлагается на базе одного или нескольких исправительных учреждений создать исследовательскую экспериментальную площадку с целью практиче-

ского внедрения медиации для урегулирования конфликтов между осужденными. На наш взгляд, такую работу целесообразно будет начинать в тех городах, где имеются центры, готовящие высокопрофессиональных медиаторов. Как известно, это Москва, Санкт-Петербург и Екатеринбург.

В сферу регулирования необходимо будет включить гражданские, трудовые и семейные отношения, так как отношения по поводу исполнения и отбывания наказания регулируются императивно нормами уголовно-исполнительного права. После годичного функционирования данного института целесообразно проведение соответствующего научно-практического мониторинга результатов и его общественное обсуждение, что позволит скорректировать предложенную в настоящей работе модель с учетом нюансов ее реализации на практике. В перспективе не исключается возможность введения в штатное расписание исправительных учреждений новой должности — медиатор по работе с осужденными.

Таким образом, внедрение в деятельность исправительных учреждений медиации, которая культивирует мирные отношения, позволит снизить конфликтность, социальную напряженность и агрессию среди осужденных. В новой сфере применения медиации она одновременно будет являться мощным позитивным средством воздействия на межличностные отношения и одним из механизмов противодействия преступности в среде осужденных. Сегодня имеются ключевые предпосылки для дальнейшего развития данного направления практической медиации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. — М.: Инфра-М, 1998. — 575 с.
2. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / гл. ред. В.С. Степин [и др.]. — М.: Мысль, 2001. — Т. 2. — 605 с.
3. Гришина Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. — СПб.: Питер, 2002. — 312 с.
4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. — М.: Ось-89, 1997. — 256 с.
5. Слепов А.П. Предупреждение насильственных преступлений, совершаемых осужденными в исправительных колониях: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.П. Слепов. — Рязань, 2008. — 237 с.
6. Громов В.Г. Пенитенциарная преступность / В.Г. Громов // Современное право. — 2007. — № 9. — С. 65–69.
7. Alexander N. Mediation and the art of regulation [Electronic resource] / N. Alexander. — Mode of access: http://www.law.qut.edu.au/ljj/editions/v8n1/pdf/2_Mediation_and_the_Art_of_Regulation_ALEXANDER.pdf.
8. Громов В.Г. Теоретико-правовые аспекты профилактики преступлений, совершаемых осужденными в воспитательных колониях / В.Г. Громов, С.О. Данилова. — М.: Нов. индекс, 2013. — 152 с.
9. Данилова С.О. Профилактика преступлений, совершаемых несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях: теоретический, правовой и организационный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.О. Данилова. — Саратов, 2012. — 25 с.
10. Давыденко А.В. Институт медиации в отношении несовершеннолетних правонарушителей / А.В. Давыденко // Законодательство и экономика. — 2014. — № 9. — С. 39–42.
11. Садовникова М.Н. Медиация и медиативные технологии в работе с детьми [Электронный ресурс] / М.Н. Садовникова. — Режим доступа: <http://www.irkmediator.ru/news/mediaciya-i-mediativnye-tehnologii-v-rabote-s-detmi-iz-meterialov-nauchno-prakticheskoy-i>.
12. Минкина Н.И. Препятствия в развитии медиации в России / Н.И. Минкина // Социально-экономическое развитие общества в координатах XXI в.: сб. ст. / под ред. Т.Г. Строительной. — Барнаул: Изд-во Алт. акад. экономики и права, 2014. — С. 101–106.

13. Авакян Л.А. Конфликтные отношения в среде отрицательно характеризующихся осужденных / Л.А. Авакян // Общество и право. — 2014. — № 3 (49). — С. 150–153.
14. Лавриненко А.Н. Состояние и особенности пенитенциарной преступности. Конфликты в местах лишения свободы / А.Н. Лавриненко // Наука и современность. — 2012. — № 15-4. — С. 152–156.
15. Барабанов Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных / Н.П. Барабанов // Уголовно-исполнительное право. — 2014. — № 2. — С. 28–36.
16. Даудов А.В. Организация и правовые основы деятельности структурных подразделений исправительной колонии по предупреждению межличностных конфликтов и преступлений в среде осужденных : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / А.В. Даудов. — Рязань, 2005. — 225 с.
17. Емельянов Н.С. Криминологическое исследование конфликтов с участием осужденных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.С. Емельянов. — Рязань, 2015. — 24 с.
18. Аксенова Г.И. Подготовка практических психологов для пенитенциарных учреждений: проблемы и пути решения / Г.И. Аксенова // Прикладная юридическая психология. — 2014. — № 4. — С. 10–15.
19. Минкина Н.И. Медиация и необходимость совершенствования уголовно-исполнительного законодательства / Н.И. Минкина // Концепт. — 2016. — Т. 15. — С. 2196–2200.
20. Репьева А.М. Реализация общеправовых принципов в процессе исполнения наказания в воспитательных колониях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.М. Репьева. — Саратов, 2014. — 26 с.
21. Громов В.Г. Принципы медиации в исправительных учреждениях / В.Г. Громов, Н.И. Минкина // Алтайский юридический вестник. — 2016. — № 2 (14). — С. 94–97.
22. Muncie J. The globalization of crime control — the case of youth and juvenile justice. Neoliberalism, policy convergence and international conventions / J. Muncie // Theoretical Criminology. — 2005. — Vol. 9, № 1. — P. 35–64.
23. Boulle L. Mediation: principles, process, practice / L. Boulle, M. Nasic. — L. ; Dublin ; Edinburgh : Butterworths, 2001. — 637 p.
24. Kurzynsky-Singer E. Mediation in Russland / E. Kurzynsky-Singer. — Tübingen : Mohr Siebeck, 2008. — 1175 S.
25. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание : пер. с англ. / Х. Зер ; под общ. ред. Л.М. Карнозовой. — М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1998. — 354 с.
26. Давлетов А.А. Проблема применения медиации в уголовном процессе России / А.А. Давлетов, Д.А. Братчиков // Российский юридический журнал. — 2014. — № 5. — С. 168–179.
27. Горожанин А.В. Уголовно-исполнительная система — качественно новый уровень политики государства в повышении роли правосудия в борьбе с преступностью / А.В. Горожанин, Б.З. Маликов // Проблемы правовой и криминологической культуры борьбы с преступностью. — М. : Рос. кримиол. ассоц., 2002. — С. 36–40.
28. Hopt K.J. Mediation. Rechtsstatsachen, Rechtsvergleich, Regelungen / K.J. Hopt, F. Steffek. — Tübingen : Mohr Siebeck, 2008. — 1175 S.
29. Зауторова Э.В. Использование медиации в воспитательном процессе исправительных учреждений / Э.В. Зауторова // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2015. — № 3 (62). — С. 60–63.
30. Развитие медиации в России: теория, практика, образование : сб. ст. / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. — М. : Инфотропик Медиа, 2012. — 320 с.
31. Сухов А.Н. Преодоление деформации общения осужденных как фактор их ресоциализации / А.Н. Сухов // Уголовно-исполнительное право. — 2015. — № 2. — С. 121–125.
32. Димитров А.В. Основы пенитенциарной психологии : учеб. пособие / А.В. Димитров, В.П. Сафронов. — М. : Моск. психол.-соц. ин-т, 2003. — 176 с.

REFERENCES

1. Gubskii E.F., Korableva G.F., Lutchenko V.A. (eds). *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Infra-M Publ., 2002. 576 p.
2. Stepin V.S. (ed.). *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. Moscow, Mysl Publ., 2001. Vol. 2. 605 p.
3. Grishina N.V. *Psikhologiya konflikta* [Conflict psychology]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2002. 312 p.
4. Smit A. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Electric Book Company, 1776. 1281 p. (Russ. ed.: Smit A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov*. Moscow, Os'-89 Publ., 1997. 256 p.).
5. Slepov A.P. *Preduprezhdenie nasil'stvennykh prestuplenii, sovershaemykh osuzhdennymi v ispravitel'nykh koloniyakh*. Kand. Diss. [Prevention of violent crimes committed by convicts in penal colonies. Cand. Diss.]. Ryazan, 2008. 237 p.
6. Gromov V.G. Penitentiary crimes. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2007, no. 9, pp. 65–69. (In Russian).
7. Alexander N. *Mediation and the Art of Regulation*. Available at: http://www.law.qut.edu.au/ljj/editions/v8n1/pdf/2_Mediation_and_the_Art_of_Regulation_ALEXANDER.pdf.
8. Gromov V.G., Danilova S.O. *Teoretiko-pravovye aspekty profilaktiki prestuplenii, sovershaemykh osuzhdennymi v vospitatel'nykh koloniyakh* [Theoretical and Legal Aspects of Preventing Crimes Committed by Convicts in Colonies for Juvenile Offenders]. Moscow, Novyi Indeks Publ., 2013. 152 p.
9. Danilova S.O. *Profilaktika prestuplenii, sovershaemykh nesovershennoletnimi osuzhdennymi v vospitatel'nykh koloniyakh: teoreticheskie, pravovoi i organizatsionnyi aspekty. Avtoref. Kand. Diss.* [Prevention of crimes committed by underage convicts in colonies for juvenile offenders: theoretical, legal and organizational aspects. Cand. Diss. Thesis]. Saratov, 2012. 25 p.
10. Davydenko A.V. The institute of mediation for underage offenders. *Zakonodatel'stvo i ekonomika = Legislation and Economy*, 2014, no. 9, pp. 39–42. (In Russian).
11. Sadovnikova M.N. *Mediatsiya i mediativnye tekhnologii v rabote s det'mi* [Mediation and mediation techniques for working with children]. Available at: <http://www.irkmediator.ru/news/mediaciya-i-mediativnye-tehnologii-v-rabote-s-detmi-iz-meterialov-nauchno-prakticheskoy-i>. (In Russian).

12. Minkina N.I. Obstacles to developing mediation in Russia. In Stroiteleva T.G. (ed.). *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie obshchestva v koordinatakh XXI v.* [Social and Economic Development of Society in the 21st century]. Barnaul, Altai Academy of Economics and Law Publ., 2014, pp. 101–106. (In Russian).
13. Avakyan L.A. Conflictual relations among negatively characterized convicted. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2014, no. 3 (49), pp. 150–153. (In Russian).
14. Lavrinenko A.N. The condition and special features of penitentiary crimes. Conflicts in penitentiary facilities. *Nauka i sovremennost' = Science and Modernity*, 2012, no. 15-4, pp. 152–156. (In Russian).
15. Barabanov N.P. Criminological and psychological characteristic of criminal subculture of the condemned. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2014, no. 2, pp. 28–36. (In Russian).
16. Daudov A.V. *Organizatsiya i pravovye osnovy deyatel'nosti strukturnykh podrazdelenii ispravitel'noi kolonii po preduprezhdeniyu mezhlichnostnykh konfliktov i prestuplenii v srede osuzhdennykh. Kand. Diss.* [The organizational and legal basis for the work of penal colonies' departments responsible for the prevention of personal conflicts and crimes among convicts. Cand. Diss.]. Ryazan, 2005. 225 p.
17. Emel'yanov N.S. *Kriminologicheskoe issledovanie konfliktov s uchastiem osuzhdennykh. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminological research of conflicts involving convicts. Cand. Diss. Thesis]. Ryazan, 2015. 24 p.
18. Aksenova G.I. Training psychologists for working in penitentiary institutions: problems and possible solutions. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2014, no. 4, pp. 10–15. (In Russian).
19. Minkina N.I. Mediation and the necessity of improving penal legislation. *Kontsept = Concept*, 2016, vol. 15, pp. 2196–2200. (In Russian).
20. Rep'eva A.M. *Realizatsiya obshchepравovykh printsipov v protsesse ispolneniya nakazaniya v vospitatel'nykh koloniyakh. Avtoref. Kand. Diss.* [Implementation of general legal principles in the process of serving the sentence in colonies for juvenile offenders. Cand. Diss. Thesis]. Saratov, 2014. 26 p.
21. Gromov V.G., Minkina N.I. Mediation principles in penitentiary institutions. *Altayskii yuridicheskii vestnik = Altai Law Journal*, 2016, no. 2 (14), pp. 94–97. (In Russian).
22. Muncie J. The globalization of crime control — the case of youth and juvenile justice. Neoliberalism, policy convergence and international conventions. *Theoretical Criminology*, 2005, vol. 9, no. 1, pp. 35–64.
23. Boule L., Nesic M. *Mediation: Principles, Process, Practice*. London, Dublin, Edinburgh, Butterworths, 2001. 637 p.
24. Kurzynsky-Singer E. *Mediation in Russland*. Tübingen, Mohr Siebeck, 2008. 1175 S.
25. Zer Kh., Karnozova L.M. (ed.). *Vosstanovitel'noe pravosudie: novyi vzglyad na prestuplenie i nakazanie* [Restorative Justice: a New Look at Crime and Punishment]. Moscow, Criminalno-Pravovaya Reforma (Criminal Law Reform) Center Publ., 1998. 354 p.
26. Davletov A.A., Bratchikov D.A. The issue of the application of mediation in the criminal trial of Russia. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2014, no. 5, pp. 168–179. (In Russian).
27. Gorozhanin A.V., Malikov B.Z. Criminal law system — a principally new level of state policy in widening the role of justice in fighting crimes. *Problemy pravovoi i kriminologicheskoi kul'tury bor'by s prestupnost'yu* [Issues of Legal and Criminological Culture of Fighting Crimes]. Moscow, Russian Criminological Association Publ., 2002, pp. 36–40. (In Russian).
28. Hopt K.J., Steffek F. *Mediation. Rechtstatsachen, Rechtsvergleich, Regelungen*. Tübingen, Mohr Siebeck, 2008. 1175 S.
29. Zautorova E.V. Mediation in correctional treatment at penitentiaries. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogics in Law Enforcement Agencies*, 2015, no. 3 (62), pp. 60–63. (In Russian).
30. Nosyreva E.I., Fil'chenko D.G. (eds). *Razvitie mediatsii v Rossii: teoriya, praktika, obrazovanie* [Development of Mediation in Russia: Theory, Practice, Education]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2012. 320 p.
31. Sukhov A.N. Overcoming of deformation of communication of the condemned as factor of their resocialization. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2015, no. 2, pp. 121–125. (In Russian).
32. Dimitrov A.V., Safronov V.P. *Osnovy penitentsiarnoi psikhologii* [Basics of Penitentiary Psychology]. Moscow Psychology-Social Institute Publ., 2003. 176 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Громов Владимир Геннадьевич — профессор кафедры уголовного, экологического права и криминологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, доктор юридических наук, профессор, г. Саратов, Российская Федерация; e-mail: gromov_vg@mail.ru.

Минкина Наталья Ильинична — профессор кафедры трудового, предпринимательского и процессуального права Алтайской академии экономики и права, кандидат юридических наук, доцент, г. Барнаул, Российская Федерация; e-mail: natim1@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Громов В.Г. Медиация в урегулировании конфликтов среди осужденных и предупреждении преступности в исправительных учреждениях / В.Г. Громов, Н.И. Минкина // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 3. — С. 459–469. — DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(3).459-469.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gromov, Vladimir G. — Professor, Chair of Criminal, Environmental Law and Criminology, N.G. Tchernishevsky Saratov State University, Doctor of Law, Professor, Saratov, the Russian Federation; e-mail: gromov_vg@mail.ru.

Minkina, Natalya I. — Professor, Chair of Labour, Entrepreneurial and Procedural Law, Altai Academy of Economics and Law, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Barnaul, the Russian Federation; e-mail: natim1@mail.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gromov V.G., Minkina N.I. Mediation in the resolution of conflicts between convicts and crime prevention in correctional facilities. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 459–469. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(3).459-469. (In Russian).